

Е. В. Тарле

Сочинение в 12 томах

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е. В. Тарле
Е11 Сочинение в 12 томах: Том 8 / Е. В. Тарле – М.: Книга по Требованию, 2015. – 563 с.

ISBN 978-5-519-48667-5

Двухтомное исследование Е. В. Тарле о Крымской войне 1853—1856 гг. было задумано автором в 30-х годах, когда над Европой нависала опасность нападения со стороны фашистской Германии.

В данный том вошла первая часть монографии "Крымская война".

ISBN 978-5-519-48667-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ РЕДАКТОРА

Двухтомное исследование Е. В. Тарле о Крымской войне 1853—1856 гг. было задумано автором в 30-х годах, когда над Европой нависала опасность нападения со стороны фашистской Германии. Первый том монографии вышел в свет в 1941 г. — в это время гитлеровские войска, вторгшиеся на советскую землю, отчаянно рвались к Москве и Ленинграду. Вторая часть книги получила широкое распространение после битвы под Сталинградом, когда Советская Армия гнала фашистских захватчиков обратно к границе и готовилась нанести последние удары «третьей империи». Условия возникновения и создания «Крымской войны» определили политический тон этого крупного произведения Е. В. Тарле. И автор, и читатели книги воспринимали события 1853—1856 гг., сопоставляя их с дипломатической и военной борьбой против фашистской угрозы, осмысливая опыт далекого прошлого в свете новых, более глубоких и сложных явлений. В этой неразрывной связи описываемых событий с восприятиями переживаемой действительности коренились особенности нового труда Е. В. Тарле, причины его большого творческого успеха и его сильного влияния на последующую историографию вопроса.

О Крымской войне 1853—1856 гг. до появления монографии Е. В. Тарле уже имелась богатая литература. Однако, при всем обилии фактического материала, всем прежним исследованиям на эту тему были присущи определенные и очень существенные недостатки. Как правило, иностранным авторам, начиная с участников войны — Базанкура и Кинглека, — кончая историками последних десятилетий — Даниэльсом и Темперлеем, — остались недоступны документы наших архивов. Английские, французские, итальянские и другие ученые подходили к событиям с субъективистской точки зрения, не раскрывая глубоко ни движущих сил, ни закономерных последствий Крымской войны. Каждый иностранный буржуазный исследователь стремился оправдать дипломатию собственной страны и нередко приукрасить ее военное командование. Аналогичные недостатки

после в себе русская военно-историческая литература дореволюционного времени. Авторы наиболее крупных работ, посвященных Крымской войне, — генералы М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин, А. М. Зайончковский — не могли воспользоваться многими материалами государственных архивов. Полное доверие к официальным источникам, апология «миролюбия и прямоты» Николая I, подробное описание военных действий вне связи с внутренним положением страны и почти без всякой критики власти — характерные черты всех трех монографий.

В противовес этим официозно-монархическим сочинениям, уже в начале XX в., в обстановке революционной борьбы с самодержавием, сложилась противоположная концепция М. Н. Покровского. Давая правильную характеристику захватнической политике царизма, М. Н. Покровский не раскрыл агрессивной политики Англии и Франции. Увлеченный контрастным изображением передовых буржуазных государств и отсталой крепостнической России, он преувеличил превосходство западноевропейской техники и военного искусства, преувеличил и внутреннее единство в рядах наступавших союзников. Оставаясь чуждым диалектическому методу, М. Н. Покровский не сумел отличить патриотизм народный от патриотизма официального и поэтому не мог оценить героическую борьбу за родину, проявленную в ходе обороны Севастополя, дальневосточных портов, Грузии, Армении, Азербайджана. Преодоление односторонней концепции М. Н. Покровского было начато в 30-х годах в связи с критикой всей совокупности методологических взглядов и конкретных выводов этого историка: уже тогда появились статьи и брошюры, в которых авторы старались дать новое освещение Крымской войны, исходя из взглядов Маркса, Энгельса, Ленина. Однако первым крупным трудом, открывшим новый этап в историографии по вопросу о Крымской войне, явилось именно двухтомное исследование Е. В. Тарле.

Созданию публикуемой книги помогло сочетание трех благоприятных условий. Советские органы широко раскрыли перед исследователем государственные архивы, и он мог полностью использовать дипломатические документы, военные донесения, личную переписку и другие источники. Осложнившаяся международная обстановка заострила внимание советского общества на проблемах дипломатии и войны, заставляя глубже анализировать внешнюю политику более ранних периодов. Наконец — что особенно важно, — за разработку большой и трудной темы принялся опытный мастер исторического исследования, знаток западноевропейской истории, отточивший свое научное оружие в предшествовавших крупных работах, посвященных внешней политике XIX—XX вв.

Главную задачу своего труда Е. В. Тарле видел в анализе дипломатических конфликтов, которые непосредственно привели к войне, и тех дипломатических комбинаций, которые влияли на развертывание военных событий и заключение мира. На большом конкретном материале он ярко показал неразрывную связь между дипломатией и войной, постоянное взаимодействие обеих сторон внешнеполитической деятельности. Он не щадил красок, чтобы раскрыть разительное несоответствие между захватническими планами Николая I и его близорукой оценкой международного положения, поддерживаемой рабочими дипломатами. С наименьшей остротой Е. В. Тарле разоблачил агрессивную политику Наполеона III и английского кабинета Эбердина, искусно провоцировавших войну, но до известного момента скрывавших свои цели под маской лицемерного миролюбия. Так же обстоятельно и тонко были освещены в книге колебания Австрии и Пруссии, постепенно втягивавшихся в орбиту враждебной России политики, и полная зависимость Турции от своскорыстных действий колониальных держав. Е. В. Тарле подробно анализировал внутренние противоречия в рядах наступавших союзников, особенно ярко проявившиеся после падения Севастополя и при обсуждении условий Парижского мира.

Чем дальше развертывалось изложение событий, тем больше внимание автора привлекали к себе военные действия — Дунайская кампания, экспедиции английского и французского флота, столкновения на Кавказе и особенно героическая оборона Севастополя. И здесь тонкое критическое чутье помогло Е. В. Тарле уловить глубокие противоречия в рядах обеих борющихся сторон. Подчеркивая хозяйственную, военную и политическую отсталость крепостной России, недостаток оружия, снаряжения и боеприпасов у русской армии, автор вместе с тем ярко изобразил выдержку и стойкость солдат и матросов, инициативу и энергию лучших командиров, отвагу и смелость защитников Севастополя, Петропавловска-на-Камчатке и других пунктов, подвергшихся нападению противника. И здесь, на конкретном материале, в живом увлекательном повествовании автор показал огромное значение внутреннего единства сражающейся армии не только на полях сражений, но и в отношениях между фронтом и тылом. Крепостная Россия, жившая под властью Николая I, не знала и не могла знать такого единства: на полях сражений и в осажденной крепости талантливый распорядительный офицером противостояли бездарные царские креатуры, равнодушные к общему делу, ограниченные в своих знаниях, но падающие всемогущей властью.

Однако и тут Е. В. Тарле избежал односторонне-примитивного изображения сложившейся обстановки: не будучи воен-

ным специалистом, он внес серьезные коррективы в описание отдельных сражений — на Альме, при Балаклаве, Инкермане и особенно во время штурма Севастополя 6 июня 1855 г.; используя новые источники и давая объективный анализ их содержания, автор развеял привычное представление о неоспоримом превосходстве военного искусства англичан и французов. Само командование противника, его стратегические планы и тактическое руководство подверглись со стороны Е. В. Тарле обоснованной и острой критике. Если прибавить, что изложение военных событий сопровождалось блестящими характеристиками участников крымской эпопеи, — иногда вдохновенными (например, Нахимова и Корнилова), иногда исполненными сарказма и презрения (Меншикова, Горчакова и др.), — то станет понятно сильное впечатление, которое произвела вышедшая книга на широкие круги советских читателей.

Монография Е. В. Тарле читалась с одинаковым интересом в тылу и на фронте. Примерами героической борьбы за родину она вдохновляла бойцов Великой Отечественной войны. О ней много писали в журналах и газетах. За первую часть исследования автор был удостоен Сталинской премии 1-й степени. В течение короткого периода книга выдержала три издания и была переведена и выпущена в свет в Англии и США.

Конечно, двухтомное сочинение Е. В. Тарле не исчерпывало всей темы и потребовало некоторых дополнений и уточняющих формулировок. Авторы рецензий указывали на недостаточное освещение внутреннего состояния страны, на не вполне ясные и правильные выводы о последствиях войны, на отдельные неточности и ошибки в военных вопросах и пр. Е. В. Тарле пошел навстречу замечаниям критики и внес целый ряд дополнений и поправок при подготовке третьего издания, в 1950 г.; в частности, он предпослал своему изложению специальное введение, в котором подчеркнул захватнический характер войны со стороны царской империи и ее противников, подробнее осветил общественные течения времени войны, остановился на позиции Маркса и Энгельса и т. д.

Если концепция М. Н. Покровского нанесла сокрушительный удар официозно-дворянской историографии, то «Крымская война» Е. В. Тарле оставила позади и сочинения царских генералов, и одностороннюю концепцию М. Н. Покровского. Книга Е. В. Тарле дала толчок не только к дискуссиям по спорным вопросам Крымской войны, но также к появлению ряда книг и статей, развивавших и дополнявших его общие точки зрения. Сохраняя историографическое значение, этот труд остается образцом доступного и яркого изложения, основанного на огромном печатном и архивном материале.

Н. Дружинин

К Р Ы М С К А Я В О Й Н А

I

ВВЕДЕНИЕ

1

Крымская война является одним из переломных моментов в истории международных отношений и в особенности в истории внутренней и внешней политики России.

В настоящей работе я пытаюсь осветить — на основании как архивных неопубликованных и опубликованных источников, так и существующей литературы — некоторые стороны дипломатической и общей истории войны 1853—1856 гг., которые мне кажутся сравнительно слабо разработанными.

Раньше чем приступить к последовательному рассказу о начале, ходе и о конце этой войны, я счел уместным предпослать изложению несколько слов о том, при какой дипломатической обстановке возник этот кровавый конфликт; как смотрели на эту войну представители различных общественно-политических течений в Западной Европе и России; каким рисовалось современникам внутреннее положение России в рассматриваемый момент. В этом введении лишь намечены вкратце некоторые проблемы, о которых обстоятельнее придется говорить в дальнейшем.

Целеустремленные старания новейшей английской (Темперлей, Гендерсон, Виллами и др.), американской (Пурьир), отчасти французской и немецкой историографии исказить самую постановку вопроса о «виновниках» Крымской войны вынуждают нас тут же, в этом сжатом введении, коснуться и этой проблемы.

В том, что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, не может быть, конечно, сомнений. Царизм начал и он же проиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области и в организации военной обороны государства, страдавшего от технической

отсталости и от общих последствий господства дворянско-феодалного крепостнического строя. Однако война была агрессивной не только со стороны царской России. Турецкое правительство охотно пошло на развязывание войны, преследуя определенные агрессивные реваншистские цели — возвращение северного побережья Черного моря, Кубани, Крыма. Позднейшие деятели — и откровенный Энвер-паша и тонкий лукавец Ататюрк — могли бы в некотором отношении назвать кое-кого из турецких дипломатов 1853—1856 гг. своими духовными предками. Война оказалась грабительской с обеих сторон, если судить по мотивам, руководившим «политикой далеского прицела» обоих противников.

Но были ли дипломатические, а потом и военные выступления Англии и Франции продиктованы, как упорно до сих пор пишут публицисты и историки этих стран, одним лишь желанием защитить Турцию от нападения со стороны России? На это должен быть дан категорически отрицательный ответ. Обе западные державы имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю, к участию в будущем дележе добычи и к приближению к южноазиатским пределам. Обе западные державы стремились захватить в свои руки и экономику и государственные финансы Турции, что им полностью и удалось в результате войны; обе действительно между собой конкурировали и враждовали после Крымской войны (а отчасти даже и во время самой войны), взапуски стараясь обогнать друг друга на путях систематического обирания турецкой державы. У обеих западных держав были еще и другие разнохарактерные, большие цели, и на жестокий промах русской дипломатии и Пальмерстон и Наполеон III посмотрели как на счастливый, неповторимый случай выступить вместе против общего врага. «Не выпустить Россию из войны»; изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства, — когда оно уже осознало опасность начатого дела, — отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, — вот что стало лозунгом западной коалиции. И именно тогда, когда русские ушли из Молдавии и Валахии и уже речи не могло быть об угрозе существованию или целостности Турции, союзники напали на Одессу, Севастополь, Свеаборг и Кронштадт, на Колу, Соловки, на Петропавловск-на-Камчатке, а турки вторглись в Грузию. Британский кабинет уже строил и подробно разрабатывал планы отторжения от России Крыма, Бессарабии, Кавказа, Финляндии, Польши, Литвы, Эстонии, Курляндии, Лифляндии. Вдохнови-

тель всех этих планов, «воевода Пальмерстон», иронически воспетый в русской песенке, «в воинственном азарте... поражает Русь на карте указательным перстом», а его французские союзники уже начинают сильно беспокоиться, наблюдая рост аппетита увлекающегося милорда.

Такова картина настроений союзников во всю вторую половину войны. Тем-то и дорог Пальмерстон повсейшему историку Крымской войны Гендерсону, что «Пальмерстон был хорошим англичанином, работающим для национальных целей... Его национализм был не принципом, а страстью, со всем тем хорошим и дурным, что происходит от страсти»¹.

Иностранные историки предпочитают скромно умалчивать об этих безудержно захватнических планах Пальмерстона, Наполеона III, подоспевшего к дележу добычи австрийского мипистра Буоля, уже направлявшегося на Тифлис Омер-паши.

Тяжкая война покрыла новой славой русское имя благодаря воинскому искусству, безаветной храбрости и горячей любви к родине Нахимова, Корпилова, Истомина, Васильчикова, Хрулева, Тотлебена, 16 тысяч нахимовских матросов, из которых было перебито 15 200 человек, десятков тысяч солдат, легших костями в Севастополе и вокруг Севастополя.

За тяжкие перед народом преступления и политику царизма пришлось расплачиваться потоками крови самоотверженных русских героев на Малаховом кургане, у Камчатского люнета, на Федюхиных высотах. Все сказанное выше об истинном характере «бескорыстия» неприятельской коалиции ничуть, конечно, не смягчает губительной роли Николая и николаевщины в трагической истории Крымской войны.

Если бы пришлось в немногословной формуле определить роль русского правительства, русской дипломатии, русского политического и военного правящего механизма в истории Крымской войны, то вполне законно было бы сказать: царизм, как уже мы отметили выше, начал и проиграл эту войну. Инициативная роль Николая I во внезапном обострении восточного вопроса в 1853 г. после январских разговоров царя с сэром Гамилтоном Сеймуrom не подлежит никакому сомнению, так же как не подлежит оспариванию несправедливый, захватнический характер войны против Турции, которую начал царь, отдав приказ о занятии русскими войсками Молдавии и Валахии в июне 1853 г. Конечно, Николай и во внешнеполитических своих действиях никогда не забывал, что он, помимо всего прочего, «первый петербургский помещик», как он с удовлетворением хвалился. Заинтересованность крупных землевладельцев крепостнической империи в расширении и обеспечении экспортной торговли на южных и юго-восточных границах России, на Балканском полуострове, на всем турецком Леванте была фактом

очевидным и совершенно неоспоримым. Предприятие, казалось при этом, облегчалось некоторыми счастливо складывавшимися обстоятельствами. С одной стороны, безмерно преувеличивалось значение религиозного фактора: православное вероисповедание болгар, сербов, греков, сирийцев, молдаван и валахов, т. е. большинства населения тогдашней Турецкой империи, порождало и крепило в этом населении мысль о помощи и защите против возможных турецких насилий и притеснений. С другой стороны, общность славянского происхождения сербов и болгар с русским народом, казалось, обещала России деятельную поддержку в предстоявшей борьбе. Правда, вплоть до революции 1848 г. все эти расчеты на православных славян сильно осложнялись и спутывались существенными соображениями: Австрия, столь необходимая Николаю для успешной борьбы против революционных движений и даже просто прогрессивных стремлений во всей Европе, враждебным оком смотрела на какие бы то ни было русские поползновения установить хотя бы даже только культурную связь с балканскими славянами, боясь глубокого проникновения России, грозившего целостности Габсбургской державы. Но после 1848—1849 гг. Николаю уже представлялось, что с Австрией и ее настроениями и противодействием особенно считаться не приходится. И увлекавшийся поэт Тютчев уже стал восклицать, что русский царь падет ниц, молясь богу в храме св. Софии, и встанет «как всеславянский царь».

Мы увидим дальше, какую решающую роль в действиях царской дипломатии сыграло это крепко засевшее в голове Николая представление о том, что революционные события, потрясавшие Европу в 1848—1849 гг. и окончившиеся в очень значительной степени, как он воображал, только благодаря его вмешательству, надолго обессилили все европейские державы, кроме Англии. Итак, нужно лишь сговориться с Англией, дать ей отступного, чтобы не мешала. Путь свободен!

Расчеты Николая оказались с самого начала глубоко ошибочными. Основная ошибка заключалась прежде всего в недооценке сил и возможностей тех западноевропейских стран, которые могли оказаться в союзе с Турцией, что на самом деле и случилось.

Опасность грозила с трех сторон, от трех держав, которые непременно должны были встать на пути русской дипломатии, как только окончательно выяснится характер намерений царя относительно Турции.— со стороны Англии, Франции и Австрии. Но Николай, проявлявший известную осторожность в течение всего своего царствования в делах Ближнего Востока и считавшийся с прямым или скрытым противодействием этих трех держав, к моменту, когда в январе 1853 г. он внезапно решил открыть свои карты перед Гамильтоном Сеймуром, совер-